

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

TRANSBOUNDARY POSITIONING OF CULTURAL IDENTITY

CZU: 316.72

Светлана КОЧ,
*кандидат политических наук, доцент кафедры истории и мировой
политики Одесского национального университета имени И.И. Мечникова
(Украина)*

SUMMARY

Cultural identity within the complex multidimensional space of transboundary periphery is positioned as capsular, diffusive, clustering, crisis or hybrid. All of these characteristics reflect the conditions of local groups being in the transboundary space, the choice of group identification and behaviour under the conditions of complex geopolitical, cross-cultural environment.

Transboundary positioning of cultural identity has been defined as searching and changing the position of ethnos in the cultural space between the boundaries.

Keywords: *boundary, transboundary, identity, locality, diasporas.*

РЕЗЮМЕ

Культурная идентичность в сложном многомерном пространстве трансграничной периферии позиционируется как капсульная, диффузная, кластерная, кризисная или гибридная. Все эти характеристики отражают условия нахождения локальных групп в пространстве трансграничья, выбор групповой идентификации и поведения в условиях сложной геополитической, кросскультурной среды.

Трансграничное позиционирование культурной идентичности определяется как поиск и изменение позиции этноса в культурном пространстве между границами.

Ключевые слова: *граница, трансграничье, идентичность, локальность, диаспоры.*

Современная политика понимает идентичность как продукт социального или политического процесса, рассматривает её как коллективный феномен и использует для объяснения природы групповой солидарности и коллективного действия. Располагая материальными и символическими ресурсами, государство стремится организовать и контролировать процес-

сы идентификации у субъектов социально-политического пространства, таким образом, чтобы социальное поведение и реакции отдельных акторов оставались прогнозируемыми и конструктивными.

Место взаимодействия сопредельных государств и культур, определяемое как трансграничное пространство, наделено множеством актуальных характеристик,

одна из которых определяет его как «глобальное» пространство с множественной и «текучей» идентичностью [5, с. 61–62].

Диалектика взаимодействия процессов глобализации и локализации предопределяет системные противоречия в процессах идентификации, особенно ярко они проявляются в пространствах, где нет закрытого, замыкающегося на себя национально-государственного пространства [4]. В целом, в пространствах, где государственный контроль ослаблен в силу удаленности от центра или в силу действий процессов геополитической конкуренции с мемориальными и информационными войнами, идентификационные процессы оказываются подчиненными прагматическим, утилитарным задачам адаптации и приспособления к условиям социально-политической среды.

Цель статьи – описание способов позиционирования культурной идентичности в условиях трансграничья. Анализ алгоритмов коллективной идентификации ориентирован на выявление адаптационных проблем, которые решают социокультурные локальные группы в условиях двойственной природы трансграничной среды.

Анализ изученности темы. Трансграничье – относительно новый объект междисциплинарного научного анализа. Он требует многовекторного анализа, который позволит исследовать структурные факторы организации пространства вокруг границы и в то же время позволит выявить функциональные особенности многомерной системы, внутри которой в качестве элементов взаимодействуют политические и социальные институты, примордиальные социокультурные группы, транснациональные сетевые системы. Специфика феномена «трансграничья», как формы социокультурного взаимодействия, рассматривается в работах З. Баумана, О. Бредникова, В. Колосова, Н. Миро-

ненко, Дж. Розенау, Д. Замятина, Б. Хеттне и др. В работах П. Бакланова, С. Ганзея, А. Зыкова, М. Шинковского, О. Харитоновой поднимаются вопросы трансграничности с точки зрения политического регулирования региональных и национальных процессов.

Важное значение имеют исследования Д. Емченко, Ю. Качанова, С. Лурье, посвященные анализу социокультурных и идентификационных процессов в трансграничных пространствах. Анализу воздействия государства на идентификационные процессы посвящены классические работы У. Бека, В. Межуева, В. Пантина, С. Хантингтона.

Применительно к социокультурным процессам, которые происходят в сетевых системах локальных групп диаспорного типа, в представленной работе используются концепты «дрейфующей идентичности» [8], «локальной идентичности» [7], «менталитета диаспоры» [9], «культурных гибридов» [1], «социального капитала» [3].

Изложение основного материала. Специфика трансграничного пространства определяется стратегическим значением и ролью приграничных территорий, которые выступают зонами приграничного контроля двух или более политических центров. Возникающая на фоне пограничности система многоуровневой коммуникации зависит от особенностей пограничного режима, стабильности политических центров, которые его установили и от количества локальных субъектов самого пространства.

Характерной особенностью трансграничного региона является его «двойственность». С одной стороны, трансграничный регион – это политико-административная реальность, обозначенная государственной границей испытывающая давление со стороны политического центра, которому принадлежит. С другой стороны – это ментальная конструкция с трудно определя-

емыми, динамичными, «пульсирующими» границами и сложной иерархической идентификационной системой в самоопределении местных локальных групп.

Гетерогенная культура трансграничного региона лабильна, полиморфна, толерантна. Толерантность предопределена взаимозависимостью субъектов социокультурного пространства и «буферным положением» по отношению к центрам управления и титульной культуры. Рассматривая трансграничье, как социальную, субнациональную систему, мы исходим из тезиса, что центральной категорией, структурирующей содержание понятия «трансграничье», является понятие «приграничная территория», которое понимается как социокультурное пространство, имеющее историю и перспективы развития.

Регионы стабильного пограничья («буферные зоны») или «периферии периферий», обладают двойственной культурной природой. С одной стороны, они являются частью культурного пространства, где обеспечение целостности системы происходит за счет функционирования традиционных межкультурных связей и процессов аккультурации, а поиск культурной идентичности внутри региональной системы является ответом на динамику смен центр-периферийных отношений. С другой стороны, трансграничье предопределяет этнокультурную диффузию, которая становится результатом различных условий социально-политической адаптации для групп с единой этногенетической основой.

Подвижность, нестабильность политических границ в регионах «буферного», стабильного пограничья характеризуются этнически и культурно выделяющимися анклавами. Стабильность локальных форм культурной идентичности в этом случае предопределена нестабильностью геополитических центров. Внутренние бу-

ферные периферии формируются исторически в процессе создания условия для защиты центра и остаются объектом традиционной экспансии. Такие периферии было сложно завоевать (их лояльность была демонстративно условной) и ими было трудно управлять (готовность к развитию по пути автономизации, либо к быстрому изменению управляющего центра).

Так как для таких регионов характерно формирование «диаспор катаклизмы», то закономерно, что их идентичность приобретает характеристики «капсульной», «диффузной», «кластерной», «кризисной», «гибридной». Содержание понятия идентичности локальной группы включает: 1) позиционирование группы в пространстве (локусе), которое может выступать маркером территориальной идентичности и/или этнической идентичности, либо рассматриваться как второстепенная характеристика локальности; 2) наличие у группы признаков семиотической связи с пространством, местом (топосом) через наличие региональной хронологии и истории, признание уникальных свойств локальной группы/субгруппы, обусловленных местом проживания; 3) представление пространства как характеристики стереотипа группы (не только «своих/чужих», но и «успешных / отсталых», «зависимых/самостоятельных», «воинственных/мирных» и др.; 4) отношение к процессам геополитической реструктуризации как к закономерному процессу развития пространству, либо как к политической аномалии, которая разрушает смыслы и процессы поступательного развития социального.

Для локальных диаспорных групп, сохранивших полный комплекс культурно-бытовых особенностей и имеющих достаточно ресурсов (демографических, социально-статусных, нормативных) для развития, может быть характерен «кап-

сультурный тип» культурной идентичности [12]. Культурный и социальный изоляционизм от материнской и принимающих культур в условиях транзитного, трансграничного региона может сформироваться как способ сохранения социально-экономической ниши, занятой в условиях этнокультурной кооперации; как защитный механизм, ориентированный против политики универсализации принимающего общества с целью сохранения возможности на изменение вектора интеграции в ситуации трансформации системы и др. При такой модели идентификации группы и формирования общества с высокой степенью локализованности и территориальной идентичности возникает потребность в институционализации группы с целью презентации ее интересов в структурах приграничных государств.

Трансграничью характерна поступательность в смене культур (например, «языковая непрерывность» или теория «региональных» языков) и систем управления. Культурная «диффузия» обеспечивает видимое единство пространства и, таким образом, она противопоставляется естественной для трансграничья, политической дискретности. Под «диффузной» идентичностью понимаются неопределенные, спутанные представления о себе и о группе принадлежности. Этот термин был заимствован из психологии, где был применен Э. Эриксоном для определения возрастных особенностей поведения [14]. «Диффузность» может проявляться в форме доминирующего регионального самосознания над локально-групповым или этническим. Мягкость и трансформерность такого самоопределения предопределяет либо прогрессирующий процесс маргинализации и ассимиляции, либо процесс оформления субкультурных границ локальных групп.

Как результат рефлексии в сложной мультикультурной системе современного

общества представляется тип «гибридной идентичности» [10]. Субъект с «гибридной» идентичностью формируется в пространстве, где границы «своего» и «чужого» потеряли жесткость и барьерность и сформировались условия для множественных форм идентичности. В современных исследованиях встречаются такие понятия, как «креолизация», «культурный синкретизм», «транскультурность», «глобальная культура переименования» [2, с. 25]. Можно говорить о разных контекстах этих понятий, однако все они демонстрируют идею современного глобализованного мира, где принцип «гибридности» позволяет раскрывать такие отношения между культурами, когда они, оказываясь в положении неравенства, имеют возможность себя артикулировать [1, с. 58]. Примером таких ситуаций могут быть мультилокальные социальные и культурные практики диаспор.

Маргинальные сообщества, образованные в результате гибридизации, обладают естественной полиморфностью, лабильностью и транзитностью, они способны выступать в качестве медиаторов, «переводчиков» на разные семиотические языки, адаптировать заимствования и встраивать их в новый контекст. Отсюда и постмодернистское представление о гибридных культурах, которые рассматриваются как условие формирования открытого социального пространства.

Как способ группового самоопределения, в транзитных и транскультурных пространствах представляется форма «кластерной» идентичности, в основе которой лежит накопленный социальный капитал [13]. Неофициальные нормы и ценности, которые предопределяют групповое поведение и систему ожиданий в условиях далекого и слабого политического центра. Кластерная идентичность предопределяет развитие социальных сетей, землячеств, этнокультурных транснацио-

нальных образований, которые, формируясь «над» государственными институтами, компенсируют их дисфункциональность.

Социальный капитал (термин предложен П. Бурдьё [6]) рассматривается как ресурс локальной группы, который определяет ее устойчивость и стабильность и является условием субъектности, основанием на получение социальных статусов «этнического» или «национального» меньшинства. Применение понятия «социальный капитал» к диаспорным коллективам макроуровня (идея Дж. Турнера [3]) позволяет выделить особенности транснациональных этносоциальных систем нового типа по сравнению с классическими формами локальных диаспор, которые не обладают дееспособностью на политическом и экономическом уровне.

Следует отметить, что транснациональные социокультурные сети могут одновременно служить в качестве эффективного канала для национальной или даже националистической политики, для этнического и религиозного фундаментализма и, следовательно, разрабатывать проекты пространств и культур.

Каждое пространство имеет свой специфический ресурс, внутри которого функционирует этнофор. Каждое из полей такого пространства (историческое, культурное, экономическое, конфессиональное и др.), сосуществуя и взаимодействуя друг с другом, обладает собственной логикой развития, что и позволяет человеку и этногруппе успешно реконструировать/достраивать поврежденные участки локальной и этнической памяти. В кризисной ситуации, актуализируются те события, которые могут «давать дивиденды». «Кризисная» локальная идентичность, по сути, не несет однозначных характеристик, но обладает значительным потенциалом в силу высокой адаптационной способности, которая определяется многомерностью социокультурного про-

странства группы. Движение культурной традиции становится контролируемым. Исторические факты легко превращаются в мифологический конструкт. Трансформенность такой идентификационной стратегией предопределяет двойную этническую и национальную лояльность, полиглосность [7].

С точки зрения методологии исследования идентификационных стратегий, избираемых локальными группами в пограничье, важным представляется выявление социальных программ, формируемых группами, которые влияют на выживание и сохранение групповых границ. Наследование и воспроизведение программы поведения в конкретной социальной среде можно интерпретировать через теорию движения традиции (Н. Чебоксарова, С. Арутюнова, Л. Куббеля). Однако для условий трансграничья, актуальной представляется «теория социальных эстафет» М. Розова, в которой обстоятельства, политический контекст событий влияют на определение действия эстафеты [11].

Выводы. Поиск культурной идентичности локальными группами в условиях глобализации и трансграничной интеграции в современной науке называют регионализацией. Ее можно рассматривать как реакцию на культурную унификацию (глобализацию, интеграцию, национализацию). Так, если с одной стороны, трансграничная идентичность сосуществует с национальной идентичностью, то с другой, она создает «фронтирность» на локальной территории, расширяя региональную идентичность.

В то же время поиск и изменение позиции локальной группы в культурном пространстве трансграничья можно определить, как трансграничное позиционирование культурной идентичности. Позиция этнокультурной идентичности обуславливается динамическими трансформациями пространства, структуры на-

селения, способов движения информации и обстоятельств социально-политического развития, а также эволюцией системы ожиданий внутри группы.

Сформированное «глокальное» поле в трансграничье демонстрирует множе-

ственность актуальных форм идентификации, которые демонстрируют прагматический подход групп к способам и формам выживания в условиях дисфункциональной и фрагментарной системы государственного управления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bhabha H. Culture's in-between. Questions of Cultural Identity. Ed. by S. Hall, P. du Gay. London: SAGE, 2008, с. 53–60.
2. Terkessidis M. Globale Kultur in Deutschland oder: Wie unterdrückte Frauen und Kriminelle die Hybridität retten. Kultur – Medien – Macht: Cultural Studies und Medienanalyse. Hrsg. A. Hepp, R. Winter. Opladen; Wiesbaden, 1999, с. 23–38.
3. Turner J. The formation of Social Capital: A Multifaceted Perspective. J. Turner, 2000. URL: www.unlv.edu/center/adv/archives/interactonism/index.html.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001, 304 с.
5. Брубейкер, Р. Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012, 408 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с французского; отв. ред. перевода Н. Шматко. М. – СПб: Алетейя, 2007, 288 с.
7. Коч С. В. Локальная идентичность в кризисной ситуации (на материалах истории греческой диаспоры Украины). Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник материалов и исследований в память В. Н. Станко. О.: СМЛ, 2012, с. 374–383.
8. Курбачёва О. «Дрейфующая» идентичность локальных культур в условиях глобализационных трансформаций. Дни науки философского факультета. К.: Киевский университет, 2014, с. 126–128.
9. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт Востоковедения РАН, 2001, 170 с.
10. Мачина А. Гибридная идентичность как фактор политической реальности европейского общества. Вопросы политологии. 2018. Т. 1. № 29, с. 24–32.
11. Розов М. А. Феномен социальных эстафет. Сборник статей. Смоленск. СГПУ. 2003, 93 с.
12. Сундеева Д. Капсульный тип культурной идентичности ассимилирующихся малых этнических групп Забайкальского трансграничья. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2015, с. 183–187.
13. Тарасенко В. В. Кластерная идентичность и социальный капитал. Философские науки. 2011, № 12, с. 108–116.
14. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М.: Флинта, 2006, 342 с.

Prezentat: 19 noiembrie 2018.

E-mail: svetlana.naumkina@gmail.com